

Похоже, Фу Цзюэчжи действительно был очень занят. Даже в дни вынужденного отдыха его почти невозможно было увидеть.

Развестись теперь не получалось, обязанности тоже не спихнёшь, а день рождения князя стремительно приближался.

Фу Цзюэчжи и в обычное время постоянно подвергался обвинениям при дворе. На таком празднике ему наверняка придётся улыбаться людям, которых он видеть не желает.

Встретятся враги — глаза краснее станут...

А Чжао Нань, как его княжеский супруг и наследник Наньцзяна, присланный ради брачного союза, что будет делать, если кто-то начнёт насмехаться над ним?

С мрачным лицом Чжао Нань залпом выпил лекарственный отвар и решил: после обеда всё-таки надо немного постараться.

Фухай, конечно, постоянно подсовывал ему неприятные дела, но всё же был опытным старшим.

Подумав об этом, Чжао Нань развалился в кресле наставника, позвал евнуха и с искренней скромностью попросил научить его необходимому.

Фухай прибежал почти бегом и начал рассказывать всё, что знал, ничего не утаивая. Стоя в маленьком павильоне, он говорил без остановки и постепенно ушёл настолько далеко от темы, что даже «Искусство войны» Сунь-цзы приплёл и обстоятельно разобрал.

Солнце сияло ярко. Павильон стоял близ цветника, поэтому вокруг неизбежно вились комары и мошки.

— Как говорится, знай врага и знай себя...

Взгляд Чжао Наня расфокусировался. Он прихлопнул комара, севшего на кончик носа, и самым естественным образом перестал слушать.

Руки чесались от скуки. Он взял кисть и рядом с исписанными заметками нарисовал несколько плачущих Белиалов.

Фухай:

— ...

Он не понял, что это такое. Рот открыл, но в итоге ничего не сказал и махнул слугам, чтобы принесли сладости.

После целого дня чтения лекция наконец закончилась.

Чжао Нань вымыл руки, наугад взял пирожное и съел.

Затем поднялся с кресла, потянулся и бесцельно побрёл по княжеской резиденции.

Солнце уже клонилось к западу. За Чжао Нанем шло несколько слуг, и через некоторое время он сам перестал понимать, куда забрёл.

Резиденция была огромной. Одних боковых ворот для входа и выхода насчитывалось не меньше

десятка.

Чжао Нань сделал ещё несколько шагов, но охранявший ворота стражник неожиданно преградил ему путь мечом.

Фухай тут же виновато улыбнулся:

— Господину лучше дальше не идти. В резиденции новый приказ: наружу не должна вылететь даже одна голубка.

Чжао Нань начал спорить:

— Но я же не голубка.

Фухай на мгновение замолчал.

Возразить было буквально нечего.

Он уже собирался снова уговаривать, когда увидел Лоу Чжоу. Тот вёл группу людей по дорожке к беседке в десятке метров отсюда.

Внутри, за шахматной доской, сидел Фу Цзюэчжи, которого Чжао Нань не видел несколько дней.

Любопытство тут же проснулось.

— А это кто? — спросил он, повернув голову.

— Господин Линь, командующий столичной стражей.

Фухай добавил:

— Наверное, пришёл доложить князю о государственных делах.

Имя показалось знакомым. Чжао Нань вспомнил разговор в книжном павильоне.

— Линь Ши?

Потом задумался и удивился ещё сильнее:

— Разве князь сейчас не отстранён от службы?

Вот это трудоголик.

Чжао Нань мысленно восхитился, подобрал подол и уже собирался тихо уйти, как краем глаза заметил поднявшееся лицо Фу Цзюэчжи.

Лицо молодого князя было холодным. Длинные пальцы лениво перебирали шахматную фигуру, на тыльной стороне руки отчётливо выступали переплетающиеся вены.

Чжао Нань ещё ни разу не видел его таким.

Рядом стоял, вероятно, тот самый господин Линь.

Линь Ши почтительно сложил руки и обеими руками подал документ. Судя по всему,

докладывал о деле.

Фу Цзюэчжи поднял глаза, взял бумагу, но раскрывать не стал. Вместо этого опустил шахматную фигуру на доску и с улыбкой произнёс:

— Господин Линь подал на меня обвинение и добился семидневного отстранения. А теперь сам пришёл? Уже успели как следует спрятать все доказательства?

По беседке прошёл ветер.

Линь Ши тут же опустил голову и натянуто улыбнулся:

— Князь преувеличивает. Канцлер Цуй подал доклад на придворном совещании. Я служу под его началом и всего лишь добросовестно исполняю обязанности.

Фу Цзюэчжи опустил брови. Пальцы тихо постучали по шахматной доске.

— Добросовестно исполняете обязанности...

— В прошлом месяце на рынке Цяньчжоу бесследно исчезли восемь тысяч цзиней сырого железа. А сразу после этого в ваших складах появилось ещё тысяча комплектов наконечников для стрел.

Он опустил глаза, и улыбка исчезла.

— Полмесяца назад наньцзянцы проникли в столицу и устроили покушение. Не у вас ли они купили использованные стрелы?

Доказательства, которые Линь Ши считал надёжно спрятанными, внезапно оказались выложены на свет. Его лоб мгновенно покрылся холодным потом.

Он понятия не имел, откуда Фу Цзюэчжи это узнал. Пальцы побелели, рот приоткрылся — но сказать он не смог ни слова.

Фу Цзюэчжи тем временем убрал короб с шахматными фигурами и медленно поднялся.

— Командующий Девятью вратами охраняет Цюэцзин. По идее, он должен быть мечом, вонзённым в городскую стену ради защиты государства. Почему же в ваших руках этот меч превратился в нож мясника, которым режут простых людей?

— Продавать железо Наньцзяну...

Выражение лица Фу Цзюэчжи внезапно ожесточилось. Он резко взмахнул рукавом и швырнул документ прямо в лицо Линь Ши.

— Господин Линь так хорошо умеет вести дела, что неудивительно: в родовом храме семьи Линь прибавилось несколько десятков тысяч золотом и серебром.

Вечерний ветер был жарким.

Чжао Нань невольно отступил на полшага. На лбу выступил пот.

Он не был глупцом. Услышав столько, уже понял: между Наньцзяном и Дачаном царила вражда, и рано или поздно разразится большая война.

Если говорить красиво, он был наследником Наньцзяна, присланным в Дачан для брачного союза.

Если говорить честно — заложником, отправленным в Цюэцзин.

Он был шахматной фигурой.

И одновременно фигурой, которой можно пожертвовать.

Внезапное отравление гу несколько дней назад почти наверняка было делом рук наньцзянской знати.

Чжао Нань побледнел. Ноги будто приросли к земле.

Лицо Линь Ши после удара бумагами пылало. Он пошатнулся и рухнул на колени.

— Князь, это железо на самом деле провёл министр Чэнь!

— В Министерстве церемоний говорили, что оно необходимо для строительства Дворца долголетия вдовствующей императрицы...

Голодные беженцы умирали вдоль дорог, и до них никому не было дела. В ответ слышалось лишь одно: казна пуста.

Но стоило вдовствующей императрице произнести «построить Дворец долголетия», как сразу находилась целая толпа людей, готовых любыми способами добывать деньги.

Родня императрицы разрослась, пустила глубокие корни и хозяйничала при дворе словно стая шакалов.

Фу Цзюэчжи закрыл глаза.

— Завтра к полудню заместитель главы Далисы должен получить полный комплект счетов по железу из Цяньчжоу.

Линь Ши стал серым как пепел.

— Я... я готов искупить вину заслугами...

— Лоу Чжоу, проводи гостя.

Фу Цзюэчжи больше не хотел слушать. Он развернулся и вышел из беседки.

Лунный свет разливался по дорожке.

Перед Чжао Нанем остановилась высокая тень.

Он опустил голову, но вдруг кто-то легко ткнул его пальцем между бровей.

Фу Цзюэчжи пошевелил пальцами. Когда Чжао Нань поднял лицо, князь заглянул ему прямо в глаза.

— Я думал, ты понимаешь своё положение.

Голос прозвучал очень тихо.

— Страшно?

Чжао Нань сжал листы в руке и честно ответил:

— Немного.

Потом вздохнул:

— Но от страха всё равно ничего не изменится.

— Если бы у меня был хоть какой-то выход, я бы не оказался в ситуации, где выхода вообще нет.

Фухай:

— ...

Фу Цзюэчжи:

— ...

Кажется, он уже привык к ходу мыслей Чжао Наня. Фу Цзюэчжи отвернул голову и тихо рассмеялся.

— Что у тебя в руках?

— Результаты обучения.

Чжао Нань без особого энтузиазма махнул листами и отогнал комара, который назойливо жужжал у уха.

— Фухай учил меня целый день.

Фу Цзюэчжи опустил глаза, чуть приподняв бровь.

— Расскажи.

Стояло душное лето. Одежда на Чжао Нане была лёгкой, из-под воротника виднелась длинная белая шея.

Хрупкие ключицы тоже выступали отчётливо. На коже виднелось несколько красных припухлостей — следы комариных укусов из маленького павильона.

Чжао Наню они ужасно надоели. В голове крутилась только одна мысль:

«Хочу, чтобы все комары сдохли».

Не раздумывая, он выпалил первое, что запомнил из сегодняшнего объяснения «Искусства войны».

— Перехватить инициативу и стать хозяином положения.

Чжао Нань был очень доволен собственным уровнем. И даже решил привести Фу Цзюэчжи пример, чтобы показать глубину понимания.

— Это когда заставляешь кого-нибудь другого отдавать кровь комарам вместо тебя.

Фухай:

— ...

Прекрасное «стать хозяином положения».

Лучше бы господин вообще молчал.

Фу Цзюэчжи посмотрел на Фухая.

— А ещё?

— Уловка красавца.

Чжао Нань зловеще улыбнулся:

— Выгнать князя из-под москитного полога.

Фухай:

— ...

Клянусь Небом, я его этому не учил!

Он в панике посмотрел на Фу Цзюэчжи, но услышал лишь лёгкий смешок.

Небо было усеяно звёздами, вокруг стрекотали летние насекомые.

— Похоже, супруг и правда их ненавидит.

Необъяснимая жестокость, владевшая Фу Цзюэчжи совсем недавно, уже исчезла. Сейчас он выглядел удивительно спокойным.

— Фухай.

Евнух тут же отозвался.

— Летом много комаров.

— В спальне княжеского супруга благовония из литоспермума должны гореть и днём.

<http://bllate.org/book/19943/1983919>